

УВАЖАЕМЫЕ

Дарья Бекмирзаева

Дарья Бекмирзаева

Уважаемые

«Автор»

2026

Бекмирзаева Д.

Уважаемые / Д. Бекмирзаева — «Автор», 2026

В дворянское поселение Тихое, где царят благопристойность и покой, приезжает новый обитатель. Он мрачен, нелюдим и явно что-то скрывает. Поэтому, когда доселе мирную округу сотрясает череда зловещих происшествий, новоприбывший становится главным объектом подозрений. Соседи, не сомневаясь в своей правоте, назначают его виновным и вершат над ним самосуд — из лучших побуждений и с чистой совестью. Истина, как это часто бывает, обнаруживает себя с опозданием. И совсем не там, где ее искали.

© Бекмирзаева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Причетник Макарий	5
Глава 1. Чужой герб	7
Глава 2. Положение обязывает	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дарья Бекмирзаева

Уважаемые

Пролог. Причетник Макарий

Со стороны можно было подумать, что по окончании воскресной службы весь мир растворился в благодатном безмолвии, приткнувшись к Богу единой, просветленной душой.

Так казалось всем, кроме Макария. Тело его еще стояло при храме, а душа уже брела совсем другой дорогой.

Колокол звонил торжественно, но без излишеств – как подобало месту, где чтут Бога, порядок и чин. Дамы шурились на солнце, господа раскланивались, слуги подавали кареты. Село Тихое дышало сытой, устоявшейся степенностью.

И только молодой причетник Макарий оставался чужд этому благолепию.

Он стоял не у клироса, как обычно, а в стороне, в тени колокольной. Плечи узкие, шея длинная, кадык острый – весь он был какой-то нескладный, точно собранный из разных частей второпях. Ряса висела на нем мешком, из рукавов торчали худые запястья с синими жилками. Макарий вечно сутулился, втягивал голову в плечи, и оттого казалось, что он все время ждет удара.

Пока прихожане расходились в умиротворении, а дьякон, растроганный последним молитвословием, отирал набежавшую слезу, глаза причетника – бесцветные, водянистые – лихорадочно обшаривали толпу. От чепца к шали. От мундира к цилиндру. Макарий украдкой искал кого-то в толпе и до дрожи боялся, что его заметят.

Оттого, быть может, он и вслушивался в разговоры – не из праздного любопытства, а с болезненной чуткостью человека, который привык по обрывкам чужих фраз понимать, откуда ждать беды.

И вскоре сквозь воскресный гул просочилось:

– Слыхали? – начал первый. – Старый ротмистр Гриневский совсем плох. Говорят, не сегодня-завтра отдаст Богу душу.

– Надо бы навестить, – ответил второй, – все-таки сосед. Лежит один, как пень в лесу. Неловко будет, ежели помрет, а мы так и не заехали.

– Да уж, – усмехнулся первый. – Лежит... Без мундира, без парика, без всей этой важности, что носил сорок лет. Я его помню – в полковой форме, конь под ним дыбом вставал. А теперь... страшно глядеть, как человек-то меняется.

Макария кольнуло. А что, если старый Гриневский вовсе не желает этих визитов? Что, если он, некогда статный офицер, привыкший сидеть в седле с прямой спиной и встречать каждого твердым взглядом, не хочет, чтобы его видели беспомощным, дряхлым, не способным даже одеяло поправить без чужой руки? Быть может, ему легче умереть в тишине, чем быть экспонатом на смотре и принимать сочувственные взгляды.

А они приходят – и лишают его последнего права: решать, каким его запомнят. И где тогда кончается сострадание и начинается обычай, который исполняют лишь для очистки совести?

Макарий тряхнул головой, прогоняя наваждение. Он перевел взгляд к березе у церковных ворот – и перестал дышать. По телу прокатилась жаркая волна, от которой ослабели колени и закружилась голова.

У березы стояла девушка и поправляла серый платок. Катерина. Не красавица, каких на полотнах пишут, но до того ладная, что даже господа заглядывались.

Она подняла голову. Макарий поспешно отвернулся. Он не знал, что делать, если Катерина посмотрит на него, не знал, куда девать руки и как смотреть в ответ. Проще было укрыться за притворным безразличием.

Но, прежде чем Катерина успела его заметить, вмешалась судьба. Из утробы Макария выкатилось долгое, звучное урчание. Настойчивое, протяжное, совершенно неуместное. Оно бесцеремонно вклинилось в величественный колокольный звон.

Макарий дернулся, прижал к животу сухую ладонь и виновато возвел глаза к небесам, словно просил прощения за неприличный звук. Щеки его вспыхнули. Он втянул голову в плечи еще глубже и замер, ожидая, что кто-нибудь обернется.

Однако никому до него все еще не было дела.

Отъехала карета. Следом – еще одна. И когда последний прихожанин исчез за дверцей, Макарий перекрестился – торопливо, криво – и попятился ко входу. Уже взявшись за ручку двери, он замер. Прислушался. По спине его пробежал холодок.

Колокольный гул все еще плыл над папертью – но теперь Макарий слышал его иначе. Не сверху, а откуда-то из-под земли. Торжественность истончалась, уходила, и проступало нечто чуждое, низкое, от чего крепчал холодок под лопаткой.

Глава 1. Чужой герб

Звон разносился по всему селу – цеплялся за верхушки сосен, стелился по полю, путался в высокой траве у обочины.

Долетал он и до проселочной дороги, по которой тяжелая карета, запряженная гнедой лошадью, медленно выползала из перелеска, покачиваясь на ухабах. И скрип ее колес сплетался с ним в один протяжный звук.

Боковины кареты, еще хранившие лоск дорогого лака, поблескивали на солнце, но в стыках уже чернели щели, куда забились грязь, а потертости у ручек выдавали не одну сотню верст.

В карете сидел Уваров, слушал этот странный дуэт и молчал. Село наплывало из высокой травы, а он смотрел на него, пытаясь понять, что за место ждало его впереди.

На первый взгляд – высокий, худощавый мужчина лет тридцати пяти, ничем не примечательный, если бы не то необъяснимое чувство, которое он вызывал у всякого, кто пытался с ним заговорить. Подобное ощущение возникает рядом с людьми, давно утратившими все человеческое, и с безумцами.

Собеседники редко выдерживали его присутствие дольше нескольких минут. Разговор сам собой начинал распадаться: кто-то принимался поправлять манжет, кто-то вспоминал о срочном деле, кто-то вдруг углублялся в изучение узора на стене.

Слуга его, Герасим, проведенный с баринем не один год, к такому уже притерпелся. В молодости он вспыхивал по всякому поводу и лез в каждую драку. Потом будто поизносился душой – не столько пыл утратил, сколько желание расходовать его по пустякам. А жизнь с каждым прожитым днем неуклонно переводила в разряд пустяков все новые и новые вещи.

Герасим покачивался на облучке, и вожжи в его руках подрагивали в такт лошадиному шагу. Он покосился на Уварова – осторожно, подыскивая нужный тон. Вышло, однако, сипло и некрасиво:

– Вот и приехали, барин. Тихое...

«Тихое». Уваров мысленно покатал это слово на языке. Название-издевка, отдававшее болотной прелью и запустением. Мысль, что это место станет его домом, поднялась тошнотой к горлу. Внутри расплзалось липкое, удушливое омерзение.

Сзади, во второй повозке, тряслись две крепостные. Анфиса, молодая, белобрысая и румяная, нервно мяла в руках узелок, кусала губу и вытягивала шею – ей не терпелось увидеть новое жилье. Ульяна, старшая, сидела неподвижно – платок до бровей, седина в волосах, лицо как закрытая дверь. И тихо напевала что-то родное, крестьянское, протяжное.

Правил повозкой Авдей. Он сидел на облучке прямо, вожжи держал твердо и за всю дорогу не проронил ни звука. Лишь изредка поглядывал на хозяйскую карету – не из заботы, а по привычке. Ему не терпелось поскорее завершить этот путь. Чтобы под ногами была земля, а не доска, и чтобы можно было наконец выдохнуть.

Карета Уварова свернула к старой усадьбе. Дом казался давно забытым: темные окна смотрели на дорогу, штукатурка местами осыпалась, камень у основания зарос мхом.

Над входом еще сохранялась лепнина с чужим гербом. Карнищкие. Бывшие хозяева. Те, что сгинули, оставив после себя лишь долги и этот склеп под открытым небом. Герб остался. Ждал новых.

Уваров вышел. Он задержал взгляд на гербе и, глядя на него, медленно что-то прошептал. После чего уверенно направился к крыльцу.

Герасим остался у кареты. Смотрел вслед, чувствуя подвох, но так и не поняв, где тот притаился. Он знал: ежели барин молчит – вопросов не задавать.

Подойдя к крыльцу, Уваров остановился. На мшистом камне, скрючившись в агонии, лежал старый высохший венок. Уваров задержался над ним на мгновение. Затем достал ключ.

Замок шелкнул слабо, покорно. Дверь подалась, открывая черный зев прихожей.

Анфиса смахнула с лица белесую прядь и вытянула шею так, что, казалось, еще немного – и вывалится из повозки. Страха в ее глазах не было, дурных предчувствий – тоже. Одно лишь жадное, детское любопытство: что же там?

Уваров, уже ступив за порог, обернулся, посмотрел на поля, на небо – будто хотел запомнить это место – и шагнул в темноту.

Глава 2. Положение обязывает

Вечером того же дня в гостиной Оболенских было тихо и чинно. Хозяин дома, князь Владимир Павлович, сухощавый и аккуратный в движениях, помешивал чай. Ложечка тонко и музыкально позвякивала о фарфор. Оболенский был осанист, горделив и, хотя возраст уже перевалил за шестой десяток, всячески молодил: выбрит до синевы, воротничок накрахмален, в петлице – живой цветок.

Его гость, граф Карлов, грузный, с серебристыми висками, восседал в кресле с грацией сытого льва. При всей своей родовитости он был человеком простым, даже простодушным, и лицо его носило тот приятный красноватый оттенок, который редко бывает дарован природой и куда чаще – любовью к домашней наливочке.

Хотя Оболенский и почитал Карлова человеком весьма ограниченного ума, привязанность к нему испытывал самую искреннюю. В обращении граф был прост и приятен, а в подпитии и вовсе обнаруживал такую непосредственность, что невольно вызывал улыбку. В его присутствии Оболенскому не нужно было ни притворяться, ни напрягаться – он просто был собой.

Взгляд Карлова скользил по столу, и он никак не мог решить, к чему же приложиться. Пряник манил. Пастила – тоже. Граф тяжело вздохнул.

Оболенский хрустнул шеей и размял ее круговым движением – засиделся, затек.

– К слову, Савелий Григорьич... – князь говорил негромко, но так, что Карлов даже перестал думать о вкусах. – Слуга мой, Ефимка, донес весьма любопытную весть.

– Так-так! – оживился Карлов.

– В усадьбу Карницкого, дай Бог ему покоиться с миром, заселился новый обитатель.

– В самом деле? – бровь Карлова изогнулась в удивлении.

Он качнулся вперед всем телом, втайне надеясь услышать про этого господина какое-нибудь непотребство – ибо что за сосед без грешка?

Оболенский уловил в глазах собеседника тот самый охотничий блеск, ради которого, собственно, затевал разговор, и, довольно ухмыльнувшись, продолжил:

– Некий Уваров. Андрей... – Оболенский защелкал пальцами, вспоминая отчество. – Артемьевич! Лет тридцать пять или около того. Дворянин-с. Домишко купил с аукциона. Сам без свиты, без челяди. Несколько дворовых, да и те – убогие, из четверых одного не соберешь.

Карлов усмехнулся в чашку.

– И все-то вам известно, Владимир Палыч! Просто ходячая газета!

– Что ж поделаешь... Положение обязывает. – Оболенский небрежно отмахнулся. – Общества наш голубчик сторонится. Нелюдим.

– Инкогнито в Тихом? Вот уж поистине редкость, Владимир Палыч! – он шумно втянул горячий чай. – А наружность какова?

Оболенский поморщился, вспоминая доклад слуги.

– Хм... Угрюм. Не брит. С лицом, точно землю ел. Стать, правда, присутствует. И шляпу носит – набекрень. Манер в нем – ни на грош: холоден и натянут, будто в мундире спит.

Карлов снисходительно хохотнул.

– Может, человек он книжный, а не охотник до **пошлых** соседских посиделок? Аль столичный – тонкой, так сказать, душевной организации? У них, говорят, там нынче мода – страдать возвышенно и в лица никому не глядеть!

– А может, – Оболенский опустил ложечку на блюдо с резким стуком, – вовсе не в манерах тут дело. Может, господин не желает, чтоб о нем ведали более, чем сам изволит открыть. А это, дорогой друг, уже повод для размышлений.

Оболенский поднял глаза, и светская маска на секунду сползла. Под ней оказалось то, что Карлов видел нечасто: пристальное внимание хищника, который уже взял след.

Граф перестал улыбаться. Он помнил историю нового дома Уварова лучше других.

– В усадьбе Карницких, по доброй памяти, – он понизил голос, – испокон веку ничего благополучного не водилось.

Оболенский призадумался. В словах графа не было ни капли суеверия, только горькая констатация факта.

– И все же... пригласить бы его следовало, – уже мягче, тоном миротворца, добавил Оболенский. – Познакомиться, разузнать. По-соседски, с добром. Ибо не дело это – жить в одном поселении, да в неведении друг о друге. Мы ж не дикари, в конце концов – общество у нас почтенное, уважаемое.

Карлов тихо вздохнул, осев в кресле. Говорить больше было не о чем. Он бросил взгляд на часы у стены, потом на окно, за которым сгущались сумерки, и, кряхтя с натугой, начал подниматься.

– Пора мне.

Разговор уже иссяк, но негласный договор был заключен – без бумаг и печатей.

Оболенский проводил гостя к выходу.

Пока слуга помогал Карлову надеть плащ, граф бросил коротко, с глухой угрозой, адресованной невидимому пришельцу:

– Правда ваша, Владимир Палыч... Надо бы взглянуть тому человеку в глаза. Хоть единый раз.

Оболенский подошел к окну в прихожей. Стекло чуть подрагивало. За ним клубились тучи, ветер бил в ствол старого вяза, и тот стонал, как живой. Гром прокатился низко, почти над самой крышей.

Князь глядел на дорогу, ведущую к проклятой усадьбе. Он поежился. Не от грозы, а от мысли, что там, совсем рядом, поселился новый человек. Незнакомый. Непонятный. А они уже решили влезть в его жизнь – посмотреть, понюхать, оценить. «По-соседски». С добром. Ему отчего-то сделалось стыдно. И, как всегда бывало в минуты душевной тесноты, воображение уже успело забежать далеко вперед.

За Оболенским водилась одна досадная привычка: он рисовал в своей голове беды, которых еще не произошло, и начинал лихорадочно искать пути к спасению. Уже сейчас ему виделось, как Уваров мстит им за вторжение, как стравливает соседей, как навлекает на Тихое беду. Князь успел измучить себя раньше, чем случилось хоть что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.